

С.М. Бриллиант

Рафаэль Санти

Его жизнь и художественная деятельность

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
С11

С11 **С.М. Бриллиант**
Рафаэль Санти: Его жизнь и художественная деятельность / С.М. Бриллиант – М.: Книга по Требованию, 2024. – 72 с.

ISBN 978-5-4241-2485-3

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839—1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

ISBN 978-5-4241-2485-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024
© С.М. Бриллиант, 2024

Семен Брилиант
Рафаэль Санти. Его жизнь и
художественная деятельность

Биографический очерк С. М. Бриллианта

С портретом Рафаэля, гравированным в Петербурге К. Адтом

Введение

Рафаэль и Микеланджело, не уживавшиеся вместе в свое время, существуют неразрывно один от другого в памяти потомства. Биографии их – это история золотого века, история Возрождения. Оба вместе – двуликий Янус. Один весь – протест и борьба, другой – мир и сияние красоты. Один отражает в себе целый мир с его заоблачными сферами, в каждой капле росы видит образ божества, в каждом дуновении ветра слышит небесную гармонию; другой чувствует мощь лишь в самом себе, каждым своим движением хотел бы повелевать миру и богам. Отсюда несходство их личной жизни. Микеланджело интересен весь, с его критическим умом и поэтическим талантом, с его злой иронией, презрением к человечеству, непримиримый и одинокий. Рафаэль, напротив, в личной жизни не интересен. «Он занят небом, не землей». Он добр, любезен, ни с кем не ссорится и никого не защищает. Он погружен от юных лет в свои рисунки и картоны. Ему почти некогда говорить, некогда написать письмо. Политика его не интересует, философия занимает только как предмет изображения. Взамен всего у него одна сила, но зато сила необъятная, – это сила воображения. И еще чувство, подсказывающее ему любовь к красоте, стремление к идеалу. Вся его жизнь – одно стремление, но не бесплодное: «Он умел делать то, что хотели делать другие». И знакомиться с ним – значит знакомиться с тем, что он делал.

История великого человека бывает историей его времени. Таковы биографии Наполеона, Галилея. Напротив, биография Рафаэля заключается в истории его времени, в одном снимке эпохи Возрождения, которая произвела его гений. В сказании о докторе Фаусте, чернокнижнике и ученом, астрономе, математике и медике, выразился весь внутренний смысл Возрождения. Фауст хотел познать все тайны земли и неба. С этой целью он пробовал, при помощи дьявола, совершить воздушный полет, но дьявол уронил его, говорит сказание, и, наказанный за гордость, он очутился снова во прахе. Рафаэль тоже предпринял такой полет, но не с помощью дьявола, а с помощью религиозного вдохновения красотой, и он достиг своей цели и принес миру новые вести и светлые видения.

Рафаэль – избранник судьбы, и счастливый избранник. От колыбели ведет она его к цели как опытный воспитатель, рассчитавший все шансы успеха. Гений его развивается правильно: ничто и никто не становится на его пути, ему не нужно бороться, не приходится испытывать участи непризнанного, а зависть и злоба бессильны против его доброты, ласки, гения. Нигде и никогда ни малейшей ломки характера, никаких сомнений; он идет всегда спокойный и ясный, как св. Маргарита, которой змея не смеет коснуться на его картине.

Родившись в темной Умбрии, будучи сыном скромного художника, он завершает свою царственную деятельность в Риме, и его творчество – эпоха в искусстве.

На пути его между Умбрией и Римом стоит Флоренция, где изучает он человека и природу. Уже первый учитель его, Перуджино, соученик по мастерской знаменитого да Винчи, облегчает ему переход от старой школы к новой.

Леонардо да Винчи и Микеланджело старше его, он берет у них все, что касается техники и знаний, – это фундамент его успеха.

Папы Юлий II и Лев X – его современники, причем единственные в своем

роде, ибо смогли дать полный простор его кисти, создать пространство, которое ему оставалось наполнить, не думая о средствах. Наконец, успех, любовь, дружба, богатство, поклонение – все это знал он при жизни, а после смерти имя его венчает вечная слава.

Его смерть – преображение, и о нем можно сказать с полным правом: «Не будем искать его среди мертвых».

Пройти с ним вместе его жизненный путь, хотя бы в небольшом очерке, – это значит жить некоторое время в мире Возрождения и не только познать этот мир, но увидеть зачатие, развитие и расцвет прекраснейшей поры в жизни человечества.

Рафаэль не вышел, подобно Минерве, во всеоружии из головы Юпитера, говорит о нем один поэт. Но добрые феи одарили его богатой восприимчивостью, и с помощью последней гений его достиг такой высоты, что человечество признало его *царем в живописи*. Этого титула еще никто у него не оспаривал, мало того, мы даже не ждем второго Рафаэля, как ни сильно изменились с того времени взгляды, понятия, идеалы. Рафаэль учился от колыбели до могилы. Он учился у отца, у Перуджино, у Мазаччо и других старых мастеров по оставленным ими произведениям, у Леонардо да Винчи и Микеланджело. И при всем том он остался Рафаэлем. Он брал у каждого, но он знал больше их всех. Он учился, но не заимствовал, не подражал, а во все приобретенное вносил свой собственный стройный порядок. Чувство меры и красоты было в нем необычайно сильно.

Все великие мастера, у которых он учился, оставались каждый в своем очерченном круге. Рафаэль творчески возвышался над всякой условностью, никакие рамки не могли ограничить свободы его воображения, его гения. В нем сочетались умеренность, вдохновение, тонкий вкус, здоровое понимание, мудрость и поэзия.

Глава I. Детство

Празднество в Урбино и маленький Рафаэль. – Отец. – Имя Санти. – Урбино. – «Хроника». – Мать. – Влияние отца. – Мадонна Джованни Санти. – Талант отрока.

В средней части восточной полосы Италии, недалеко от берегов Адриатического моря, на скалистой горе высится замок небольшого, но древнего города Урбино, окруженного старинными крепостными стенами.

Ровно четыреста лет тому назад для жителей города, а также окрестных сел и деревень выдался особенно торжественный день. Молодой герцог Урбинский Гвидобальдо, семнадцатилетний юноша, уже успевший покрыть себя воинской славой в рядах папского войска, на этот раз возвращался в родной город мирным победителем; Елизавета Гонзаго, прекрасная и высокообразованная дочь герцога Мантуанского, была трофеем этой победы и стала отныне украшением и славой герцогского двора. В XV веке итальянцы без труда находили предлоги для празднеств, публичных церемоний, маскарадов и процессий. Город Урбино не мог равняться с Флоренцией и Римом в их баснословном великолепии, но жители города, подданные герцога, не уступали никому в усердной службе и преданности своему повелителю. Не только молодость и щедрость герцога вместе с красотой герцогини возбуждали общую радость. Ей способствовала и память об отце Гвидобальдо, знаменитом герцоге Федерико да Монтефельтро, отличавшемся любовью к наукам и искусству, любезностью и покровительством ученым и художникам, что покрыло его имя даже большей славой, чем воинская честь и рыцарская доблесть.

Весь город, как и замок, украшен был пестрыми коврами и гирляндами цветов. Поперек улицы, ведущей к замку, возвышались триумфальные арки, украшенные живописью лучших художников того времени. Не было недостатка ни в музыке, ни в пении, ни в процессиях аллегорических и шутовских, в роскошных нарядах.

Молодой герцог платил гражданам гостеприимством в своем роскошном замке. В стенах последнего находился обширный двор, окруженный, наподобие древнего цирка, амфитеатром, возведенным, по замыслу покойного герцога, для того, чтобы наблюдать за общественными играми. Здесь городские юноши участвовали в игре, называвшейся «Аита». Она заключалась в том, что вся молодежь делилась на две партии, нападавшие одна на другую, причем каждый старался, поборов соперника, перетащить его на свою сторону. На какой стороне оказывалось потом больше таких «пленных», та и считалась победительницей. Отличавшиеся особенной ловкостью и смелостью получали богатые подарки от щедрого герцога, одобрение толпы и своих избранных.

В присутствовавшей публике обращал на себя внимание прелестный ребенок. Это был шестилетний мальчик с правильными чертами лица, необыкновенно ясным взором и светлыми локонами. Большими глазами смотрел ребенок на быстрые движения красивых, ловких юношей, на окружавшие его великолепие и роскошь. Устремившись вперед, он держался за руку женщины; это была его мать, жена известного художника Джованни Санти, игравшего значительную роль в устройстве праздника и в украшении двора живописью.

Мальчика звали Рафаэлло. Природа наделила его с самого рождения крото-

стью и красотой тела и духа. Весь мир знает его и теперь под именем Рафаэля Санти, или просто *Рафаэля*.

Отец Рафаэля, Джованни Санти, – известный в свое время художник, о достоинствах которого, а также о влиянии на Рафаэля до сих пор спорят, – написал поэму, которую принято обыкновенно называть хроникой, так как она, несмотря на рифмованную форму, заключает в себе очень мало поэзии и не имеет художественного значения. Тем более, быть может, выигрывает она в смысле хроники современных автору событий, описания двора герцога Федериги, личности его и окружавших его художников, поэтов и ученых. В посвящении этой поэмы или хроники, как и мы будем ее называть, герцогу Гвидобальдо Джованни жалуется на свою участь: «Судьба послала тяжелые испытания дому отца моего. Пламя уничтожило наше родное жилище и все наше имение, так что немало нужно времени, чтобы рассказать все бедствия, сопровождавшие мою жизнь».

В самом деле, прадед Рафаэля, по имени Перуццоло, скромный обитатель маленького городка Колбордоло, стал жертвой одной из диких вспышек междоусобной вражды, так сильно терзавшей несчастную Италию в Средние века. В 1446 году граф Сигизмундо Малатеста с папскими солдатами огнем и мечом опустошал землю Федериги, тогда еще графа Урбино, и Перуццоло в числе других потерял дом и должен был бросить опустошенную землю. Он перебрался с семьей в город Урбино, где надеялся найти надежное убежище и пропитание. Долгое время, однако, семья должна была бороться, чтобы выбиться из крайней бедности. Существует до сих пор дом, где жила вся семья, платя за наем 13 дукатов в год. Дом этот принадлежит, так же, как и в то время, духовному братству св. Марии Милосердной. Перуццоло умер тогда, когда Джованни – внук его и будущий отец Рафаэля – был еще малолетним. Отец Джованни носил имя Санте, данное ему при крещении. В Италии не было в обычае носить фамилию, и только впоследствии стали называть Джованни по отцу Санте или Санти, а от латинского перевода – Sanctius – это имя перешло в имя Санцио, которое стали, хотя и неправильно, прилагать к имени Рафаэля.

Итак, Джованни Санти имел основание жаловаться на судьбу. Но, проследив дальнейшую жизнь отца и самого Рафаэля, мы будем поражены целесообразным течением событий, той цепью счастливых случайностей, которую ковала судьба для своего гениального избранника.

Санте, дед Рафаэля, счастливой, хотя мелкой торговлей произведениями старины скоро составил себе благосостояние. Он приобрел сперва участок земли за 240 дукатов у Пальтрони, секретаря графа, потом еще прикупил землю и хорошо орошаемый луг, наконец, опять за 240 дукатов, купил два дома, расположенных один возле другого на улице Контрада дель Монте, ведущей от торговой площади к замку. Соединенные вместе, они образовали один из самых значительных домов на этой улице. Здесь, в этом именно доме, увидел свет Рафаэль, по словам Вазари, в Великую пятницу, 28 марта 1483 года.

До 11 лет рос Рафаэль в доме отца, до смерти последнего в 1494 году. Не только этот период детства, но и следующие за ним годы юности Рафаэля остаются до сих пор неясными для его биографов. Существует даже свидетельство, что еще при жизни отец сам отдал его в учение к Перуджино. Вернее, однако, что до одиннадцатилетнего возраста Рафаэль не покидал отца, но уже учился и даже помогал ему в работе. Раннее развитие Рафаэля несомненно, если примем

во внимание, как скоро проявил он у Перуджино не только мастерство в живописи, но известную оригинальность и самостоятельность своего еще не окрепшего тогда таланта. Именно поэтому следует признать несомненным влияние на него отца и впечатлений детства, даже в сравнительно ранний период последнего.

Хотя город Урбино не был родиной Джованни Санти, но он дышал с детства его чистым горным воздухом. Подобно застывшим волнам морским поднимаются горные кряжи от берегов Адриатики, и там, где достигают они наибольшей высоты, на скалистом скате лежит этот город, обнесенный крепкими стенами. Обширный горизонт открывается глазам обитателя города, царящего над всей окружающей местностью. Природа и искусство соединились вместе, чтоб действовать на дух жителей, укрепляя их мужество и возвышая стремления.

Властитель местности во второй половине XV века, граф Федерико из рода Монтефельтро с гордостью знатного рыцаря и славного воина соединял любезность и скромность высокообразованного человека. В свободное от военных занятий время он неумоимо занимался постройками и украшением замка и города. Знаменитый архитектор Лучано да Лаурана построил для герцога новый дворец, причем соединил старый с двумя древними башнями, стоявшими на отдельных скалах. Это предприятие, стоившее огромной суммы и энергии, длилось много лет под постоянным наблюдением герцога, который щедростью, лаской и любезной беседой неизменно ободрял работавших художников.

Много известных в то время имен собрал вокруг себя герцог для украшения дворца живописью и скульптурой. Искусство вносило в атмосферу двора красоту и гармонию, которые отсюда распространялись далеко вокруг.

Под влиянием этой атмосферы Джованни Санти бросил унаследованные им от отца занятия и обратился к живописи. Он говорит сам в своей хронике, что это решение увеличило его домашние заботы, тем более что последние особенно тяжелы тому, кто поднялся выше их душою и взял на свои плечи ношу тяжелее ноши Атласа – служение искусству; он не стыдился, однако, хотя бы и в бедности, и в лишениях, носить имя художника.

Мы видим отсюда уже, что мысль и чувство Джованни вполне отвечали настроению и взглядам той светлой полосы времени – зари Возрождения. Это возвышенное настроение, эту веру в чистоту и святость искусства он передал и сыну. Вместе с тем он передал ему и часть своих знаний и опыта, позволяя ему помогать себе в работе и с увлечением рассказывая о славных художниках, их жизни и деятельности, о той любви и поклонении, которыми их окружал народ, о покровительстве знатных владетелей и прекрасных дам. И не только рассказывал он все это сыну, но и оставил после смерти как завещание, запечатлев свои рассказы в обстоятельном описании – в своей знаменитой хронике, не лишенной, кроме прочего, и поэтических красот, как это видно из того, что некоторые, хотя и преувеличенно, называли его «вторым Данте» (!).

Кто был учителем Джованни Санти, неизвестно, но следует из той же хроники, что он учился везде и у всякого, где только можно было что-нибудь взять. С удивлением и благодарностью вспоминает он о знаменитых художниках своей молодости и особенно хвалит достоинства и знания в искусстве Андреа Мантеньи, которому, по его словам, «само небо открыло врата живописи».

«Особенно дорог моему сердцу, – замечает он в другом месте, – Мелоццо да

Форли, сделавший огромные шаги в изучении перспективы». Последнее замечание, вероятно, дало повод искать истоки образования Санти во влиянии названного художника. Основательно это или нет, одно лишь ясно из замечания, а именно, что Джованни уже сознавал несовершенство родной умбрийской школы – недостаточность знаний и понимания природы.

Отсюда остается только один шаг в направлении к флорентийской школе, и мы увидим, как быстро пойдет Рафаэль по этому пути. Недаром Джованни удивляется гению Леонардо да Винчи и в своих художественных странствиях изучает произведения Тосканы, Венеции и Ломбардии, восхищаясь прекрасной Мадонной Фра Анджелико да Фьезоле и картинами знаменитого Пьеро делла Франчески.

Последний в 1469 году посетил Урбино и жил в доме Джованни. В это время написал он портреты герцога Федерико и супруги его Баттисты Сфорца, которые хранятся теперь в галерее Флоренции.

Не мог также избежать Санти влияния Верроккьо, ученика Донателло, одного из первых и наиболее сильных пророков Возрождения, одного из основателей флорентийской школы.

Немногие из картин Джованни сохранились на месте, в Италии, и меньше всего их осталось в Урбино. Некоторые были испорчены или исчезли во время революционной борьбы, другие были присвоены иноземными завоевателями Италии, что указывает на ценность, которую им придавали.

В последние годы жизни отца Рафаэль уже сопровождал его в ближайшие города и монастыри, где Джованни имел заказы. Это дало Рафаэлю счастливую возможность не только увидеть много значительного в столь раннем возрасте, но и узнать богатые фантазией предания того времени, то на месте пребывания, то во время пути. Эти рассказы, как и вообще воображение итальянца той эпохи, были пронизаны образами чудного неба, природного изобилия, энергией свободы и душевной непосредственностью.

Религиозное чувство, доходившее до мистицизма и суеверия, придавало картинам, в особенности изображениям Святой Девы, особую прелесть кротости, мира, душевной ясности и чистоты. Картины эти, принадлежавшие кисти лучших мастеров, и были украшением монастырей и церквей, где работал Джованни. Еще совсем почти дитя, Рафаэль в родном своем городе уже был возле отца во время работ его в церквях Урбино и здесь учился и дышал атмосферой жизни неземной, исполненной часто особой мирной радости и тихого веселья.

В родном городе Джованни Санти имел свои мастерские на улице дель Монте, где исполнял постоянные заказы на картины и золочение рам для урбинских церквей. Последняя специальность соединялась тогда у мастеров с живописью, потому что долгое время было в обычае украшать картину золоченым фоном. Впрочем, известно, что в Средние века художники были обыкновенно люди очень разносторонние. Мы увидим впоследствии, какие разнообразные работы: художественные, архитектурные и декоративные – лежали на Рафаэле при папском дворе. Знаменитого Челлини, создавшего «Персея», звали «золотых дел мастером», и в самом деле он славился ювелирным искусством: бриллианты в его оправе не теряли, а еще выигрывали в блеске. Гениальный скульптор гордился этим искусством.

Мастерские и наследство отца, то есть дом и земля, давали возможность

Джованни жить безбедно. Он был женат на дочери одного урбинского торговца; звали ее Маджиа, она была матерью Рафаэля.

От отца наследовал Рафаэль страсть к искусству, обожание красоты, стремление к совершенству и восприимчивость; от матери – душевную ясность и кротость мирного настроения, которыми дышат все его картины. Она приближалась характером и внешностью к тому типу Мадонны, которому служила кисть Джованни, и последний поэтому увековечил ее образ. На одной из стен во дворе дома Санти найдена была фреска, изображающая Святую Деву с младенцем на руках. Она сидит на скамье, устремив взор к развернутой перед ней книге и нежно прижав к груди спящего младенца. В этой группе столько жизни, что картину долгое время приписывали сыну вместо отца. Естественность в положении фигур и особенно удачный нежный профиль и тонкое выражение грусти – все говорит за то, что картина писалась с особенной любовью и что моделью Джованни служили молодая жена и ее первый сын.

Через некоторое время Маджиа покинула свет, оставив Рафаэля восьмилетним сиротой. Правда, вскоре Санти женился снова, но эта вторая жена не стала второй матерью для мальчика и вообще не отличалась таким же прекрасным, женственным характером, как Маджиа.

О первых пробах кисти Рафаэля при жизни отца не сохранилось достоверных известий. Многие приписывается ему устным и письменным преданием как раз в тех картинах Санти, которые разрушены, часто вместе с заключавшими их алтарями и стенами церквей.

Что касается учения Рафаэля, то предание говорит, между прочим, что он изучал в Урбино латинский язык под руководством известного Франческо Вентурини, первого составителя полной латинской грамматики и учителя великого Микеланджело. Если это так, то уже тогда Рафаэль должен был кое-что слышать об этом знаменитом титане искусства (хотя еще юноше), и рассказы учителя, конечно, возбуждали рвение впечатлительного мальчика.

Все слышанное и виденное в детстве оставляет неизгладимую печать. Тем сильнее это влияние отзывается в душе гениального ребенка. Двор герцога и замок, игры и празднества, роскошь красок неба и зелени, обширные виды окрестностей высоко стоящего города, мощный дух его властителя, бодрость и ясное настроение посещавших дом Санти гостей и художников – вот общая картина обстановки, влиявшей на Рафаэля. Хроника, оставленная Джованни, выдает его образование, знания, наблюдательность, душевные порывы и любовь к искусству. Но и мать, кроме характера, вносила свою долю в образование ребенка. В это время, когда формировалась индивидуальность человека Возрождения, женщина не была рабой, она вносила в дом свой личный вкус, взгляды и влияние. Она получала сама в доме родителей образование, часто такое же, как мужчина, а иногда даже более широкое. Сумма всех этих влияний составляет достояние, приобретенное Рафаэлем в отроческом возрасте.

Рафаэль Санти. Мадонна в зелени. 1505 г. Вена, Художественно-исторический музей.

Чтобы судить о том, что вынес Рафаэль из Урбино в смысле чисто художественном, посмотрим, что делал его отец.

Несмотря на то, что Санти довольно поздно начал заниматься живописью, число его произведений очень значительно, и среди них особенно часто повто-